

УТВЕРЖДЕНО
постановлением
президиума Седьмого
кассационного
суда общей юрисдикции
от 22 августа 2025 года
№12

Справка
по изучению практики рассмотрения
Седьмым кассационным судом общей юрисдикции
дел по спорам, возникающим в связи с получением работниками травм
на производстве и профессиональных заболеваний

Согласно плану работы на 1 полугодие 2025 г. проведено обобщение практики рассмотрения судебной коллегией по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции дел по спорам, возникающим в связи с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, за период с 2022 г. по 1 полугодие 2025 г., рассмотренных судами первой и апелляционной инстанций Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (далее по тексту - суды).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей (часть 2 статьи 7), каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41), на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (часть 3 статьи 37), каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом (часть 1 статьи 39).

При рассмотрении дел по спорам, связанным с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, суды руководствовались, в частности:

- Конституцией Российской Федерации;
- Трудовым кодексом Российской Федерации;
- Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее - Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»);
- Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);

- другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 10 марта 2011 г. «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами споров, возникающих в связи с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

1. Незаклучение между индивидуальным предпринимателем (организацией) и потерпевшим трудового договора не свидетельствует об отсутствии трудовых отношений и не освобождает работодателя от обязанности по проведению расследования несчастного случая, составлению акта формы Н-1 и несения ответственности за вред, причиненный работнику в результате несчастного случая на производстве, при исполнении им трудовых обязанностей, в том числе после окончания рабочей смены.

С. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю С.В.Б. (далее по тексту - ИП С.В.Б.), с учетом уточнения требований, об установлении факта трудовых отношений в должности администратора; признании произошедшего 9 декабря 2022 г. с ней происшествия несчастным случаем на производстве; возложении на ответчика обязанности составить акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, акт о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5, выдать заверенные копии указанных актов; о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований сослалась на то, что в период с 2014 г. по 2022 г. состояла в трудовых отношениях с ИП С.В.Б., работала администратором отеля. При трудоустройстве с ответчиком была достигнута договоренность об объеме трудовых обязанностей, режиме работы.

Заработную плату она получала как наличными денежными средствами, так и в виде переводов на банковскую карту. 9 декабря 2022 г. в утреннее время, находясь в помещении отеля, она упала в душе, вследствие чего получила травму и была госпитализирована бригадой скорой помощи в больницу; лечение в связи с полученной травмой проходит по настоящее время, является нетрудоспособной.

Решением городского суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, установлен факт трудовых отношений между С. и ИП С.В.Б. в спорный период в должности администратора; травма, полученная С. 9 декабря 2022 г. в отеле, признана несчастным случаем на производстве; на ИП С.В.Б. возложена обязанность составить по данному несчастному случаю акт по форме Н-1 и акт о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5, копии указанных актов выдать С.; с ИП С.В.Б. в пользу С. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая требования в части установления факта трудовых отношений, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 15, 16, 56, 67 Трудового кодекса Российской Федерации, оценив представленные в материалы дела доказательства в совокупности, исходил из того, что сложившиеся между С. и ИП С.В.Б. отношения в спорный период времени по выполнению обязанностей администратора отвечают признакам трудовых; между сторонами было достигнуто соглашение о выполняемой истцом трудовой функции, режиме работы; истец была фактически допущена к работе с ведома и по поручению работодателя, что стороной ответчика не отрицается, в связи с чем пришел к выводу об удовлетворении требований С. об установлении факта трудовых отношений.

В указанной части решение суда первой инстанции ответчиком не обжаловалось и в апелляционном порядке не проверялось.

В силу положений абзацев четвертого и четырнадцатого части 1 статьи 21 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право на рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором, а также на возмещение вреда, причиненного ему в связи с исполнением трудовых обязанностей, и компенсацию морального вреда в порядке, установленном Трудовым кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами.

Этим правам работника корреспондируют обязанности работодателя обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда, возмещать вред, причиненный работникам в связи с исполнением ими трудовых обязанностей, а также компенсировать моральный вред в порядке и на условиях, которые установлены Трудовым кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами

Российской Федерации (абзацы четыре и шестнадцать части 2 статьи 22 Трудового кодекса Российской Федерации).

Согласно части 1 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации охрана труда - это система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Условия труда - это совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника (часть 2 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации).

Обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников является одним из направлений государственной политики в области охраны труда (абзац второй части 1 статьи 210 Трудового кодекса Российской Федерации).

Частью 1 статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации определено, что обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Работодатель обязан обеспечить безопасность работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, осуществлении технологических процессов, а также применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов (абзац второй части 2 статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации).

Каждый работник имеет право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда, а также гарантии и компенсации, установленные в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, коллективным договором, соглашением, локальным нормативным актом, трудовым договором, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (абзацы второй и тринадцатый части 1 статьи 219 Трудового кодекса Российской Федерации).

Разрешая требования в части признания факта несчастного случая, связанного с производством, суд первой инстанции, оценив представленные доказательства, установил, что в трудовые обязанности С. входила уборка саун после посещения их клиентами, при этом время уборки саун регламентировано не было, однако в соответствии со сложившимся у работодателя порядком сауну С. должна была убрать в течение рабочей смены или непосредственно после ее окончания, если не успела выполнить эту работу в течение рабочего времени, либо договориться об уборке сауны со своей сменщицей; С. на момент падения и получения травмы находилась в первой сауне в связи с проведением уборки после посещения ее клиентами в ночь на 9 декабря 2022 г. с 23:50 до 04:00. Исходя из того, что травма 9 декабря 2022 г. получена истцом при исполнении трудовых обязанностей администратора в отеле на рабочем месте по вине работодателя, который не

обеспечил безопасные условия труда; ответчиком расследование обстоятельств получения истцом травмы не проводилось, вопрос о признании данной травмы как производственной в порядке, установленном трудовым законодательством, решен не был, суд пришел к выводу об удовлетворении исковых требований С. о признании несчастного случая, произошедшего 9 декабря 2022 г., связанным с производством, о возложении на работодателя обязанности по составлению акта по форме Н-1 и акта о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5.

Удовлетворяя требования истца о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции, исходил из того, что несчастный случай с истцом произошел в рабочее время при исполнении трудовых обязанностей в интересах работодателя; причиной несчастного случая явилось несоблюдение работодателем обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда; отсутствия в действиях истца вины, в связи с чем пришел к выводу о возложении ответственности за причиненный вред на ответчика.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав, что в силу статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации несчастными случаями признаются события, произошедшие в течение рабочего времени на территории работодателя либо в ином месте выполнения работы, в том числе во время установленных перерывов, а также в течение времени, необходимого для приведения в порядок орудий производства и одежды, выполнения других предусмотренных правилами внутреннего трудового распорядка действий перед началом и после окончания работы.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к выводу об отсутствии оснований для отмены или изменения принятых по делу судебных актов.

(определение от 6 мая 2024 г. № 88-8754/2024)

2. Смерть работника во время нахождения в служебной командировке в выходной день от заболевания, которое у него было ранее диагностировано, с учетом конкретных обстоятельств дела, может быть квалифицирована как несчастный случай на производстве.

3. обратилась в суд с иском к АО «У», с учетом уточнения требований, о признании несчастного случая, произошедшего с ее сыном З.Д.В. при исполнении им трудовых обязанностей, связанным с производством и подлежащим учету и оформлению актом по форме Н-1 о несчастном случае на производстве; признании акта о расследовании несчастного случая со смертельным исходом в части установления обстоятельств несчастного случая, определения фактической причины смерти работника, квалификации и учета несчастного случая недействительным; возложении обязанности составить акт по форме Н-1 о несчастном случае на производстве,

произошедшем с З.Д.В. при исполнении им трудовых обязанностей; взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований З. сослалась на то, что является матерью З.Д.В., который с 2020 г. состоял с АО «У» в трудовых отношениях. 9 марта 2022 г. З.Д.В. по распоряжению работодателя был направлен в служебную командировку в Республику Крым. 20 марта 2022 г. он был обнаружен без признаков жизни в гостиничном номере туристического комплекса, который предоставлен ему работодателем в качестве помещения для отдыха. Согласно медицинскому свидетельству, смерть З.Д.В. наступила от общего заболевания - эпилепсии. При проведении расследования несчастного случая со смертельным исходом, результаты которого оформлены актом от 31 марта 2022 г., созданная работодателем комиссия пришла к выводу о том, что произошедший несчастный случай не подлежит квалификации как связанный с производством, поскольку смерть З.Д.В. наступила не при исполнении им служебных обязанностей, в выходной день (воскресенье). Полагала, что актом расследования несчастного случая со смертельным исходом не установлены фактические обстоятельства несчастного случая, непосредственная причина смерти работника, неверно определена квалификация несчастного случая. Указывая на наличие вины работодателя в наступлении несчастного случая, ссылаясь на то, что на протяжении длительного времени З.Д.В. находился в служебных командировках в отдаленных населенных пунктах, с частыми авиаперелетами и железнодорожными перемещениями, что могло привести к переутомлению и значительному ухудшению состояния его здоровья.

В ходе рассмотрения дела истец, ознакомившись с заключением судебно-медицинского эксперта из материалов проверки по факту смерти ее сына, полученным по запросу суда, изменила основания иска, указав, что в связи с нахождением в рабочей поездке при выполнении должностных обязанностей вахтовым методом, при разъездном характере работы З.Д.В. в период междусменного отдыха 20 марта 2022 г. произошел несчастный случай (вероятно, криминального характера), приведший к его смерти при невыясненных обстоятельствах, но не связанный с общим заболеванием. До настоящего времени АО «У» не оформлен акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, что нарушает права З. В результате несчастного случая, повлекшего наступление смерти близкого человека, также нарушены личные неимущественные права З., которые могут быть компенсированы выплатой ответчиком денежной суммы в истребуемом размере.

Разрешая возникший спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, исходил из того, что смерть З.Д.В. наступила в нерабочее время, в выходной день, в гостиничном номере, который оформлен работодателем для его отдыха; смерть З.Д.В. не связана с выполнением им трудовых обязанностей и не подлежит квалификации как несчастный случай, связанный с производством. При проведении расследования созданной работодателем комиссией не допущено нарушений

действующего законодательства. Составленный по результатам расследования несчастного случая со смертельным исходом акт соответствует положениям закона и фактическим обстоятельствам происшествия.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

С выводами судов судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась, указав следующее.

Работник имеет право на рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором (абзац четвертый части 1 статьи 21 Трудового кодекса Российской Федерации; здесь и далее нормы Трудового кодекса Российской Федерации приводятся в редакции, действовавшей на момент несчастного случая, произошедшего с З.Д.В. 20 марта 2022 г.).

Указанному праву работника корреспондирует обязанность работодателя обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда (абзац четвертый части 2 статьи 22 Трудового кодекса Российской Федерации).

Безопасные условия труда - это условия труда, при которых воздействие на работающих вредных и (или) опасных производственных факторов исключено либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов (часть 5 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации).

В силу статьи 214 Трудового кодекса Российской Федерации обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Статьей 216 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что каждый работник имеет право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда; получение достоверной информации от работодателя, соответствующих государственных органов и общественных организаций об условиях и охране труда на рабочем месте, о существующем риске повреждения здоровья, а также о мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов.

Статьей 216.1 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрены гарантии права работников на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. В случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение указанного вреда осуществляется в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

В целях предупреждения и устранения нарушений государственных нормативных требований охраны труда государство обеспечивает организацию и осуществление федерального государственного контроля (надзора) за их соблюдением и устанавливает ответственность работодателя и должностных лиц за нарушение указанных требований.

Перечень вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, утвержден приказом Минтруда России № 988н, Минздрава России № 1420н от 31 декабря 2020 г.

Приказом Минздрава России от 28 января 2021 г. № 29н утверждены Порядок проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников и Перечень медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными производственными факторами, а также работ, при выполнении которых проводятся обязательные медицинские осмотры.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1993 г. № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» утвержден Перечень медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности (действовал до 1 сентября 2022 г.).

Данным Перечнем предусмотрено, что общими медицинскими психиатрическими противопоказаниями для указанных в таблице работ являются хронические и затяжные психические расстройства с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, эпилепсия с пароксизмальными расстройствами. Выраженные формы пограничных психических расстройств рассматриваются в каждом случае индивидуально.

В соответствии с частью 2 статьи 167 Трудового кодекса Российской Федерации направление инвалидов в служебные командировки допускается только с их письменного согласия и при условии, если это не запрещено им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом указанные работники должны быть в письменной форме ознакомлены со своим правом отказаться от направления в служебную командировку.

Как установлено судом, З.Д.В. с 18 декабря 2020 г. работал у ответчика в эксплуатационно-рекламационном отделе сервисным инженером. Смерть З.Д.В. произошла 20 марта 2022 г. от общего заболевания – эпилепсия в период нахождения в командировке в Республике Крым. В экспертном заключении о смерти З.Д.В. указано, что в его медицинской карте имеются

сведения о том, что он состоял на диспансерном учете как ребенок-инвалид по заболеванию – эпилепсия.

Суд пришел к выводу, что вины работодателя в смерти работника не имеется, учитывая, что З.Д.В. в 2021 г. проходил периодический медицинский осмотр, по результатам которого противопоказаний к указанной работе у него не выявлено, смерть произошла в нерабочее время (выходной день), в связи с чем в удовлетворении исковых требований о признании несчастного случая связанным с производством отказал.

Между тем, в нарушение указанных норм права, суд не выяснил и не установил, были ли выполнены работодателем по отношению к З.Д.В. обязанности в области охраны труда, а именно: обстоятельства направления работодателем З.Д.В. на периодический медицинский осмотр в 2021 г. в целях определения соответствия состояния его здоровья поручаемой работе и обстоятельства прохождения им данного медицинского осмотра. При этом основания направления З.Д.В. на периодический медицинский осмотр в 2021 г. суд в ходе рассмотрения дела не устанавливал. Также судом не выяснялось, являлся ли З.Д.В. на момент направления в командировку инвалидом, если являлся, то соблюдены ли работодателем требования статьи 167 Трудового кодекса Российской Федерации об условиях направления инвалидов в командировку.

В деле имеется только заключительный акт от 22 ноября 2022 г., составленный ответчиком (заказчик) и ООО (исполнитель), без приведения в нем конкретных результатов и даты медицинского осмотра З.Д.В. Отсутствуют медицинские документы об объеме проведенных в ходе осмотра обследований, заключения врачей-специалистов; направление работодателя на периодический медицинский осмотр, выданное З.Д.В., с указанием правовых оснований для его проведения, перечня вредных производственных факторов, которым подвергается работник в период работы в АО «У» в должности сервисного инженера.

Истец ссылалась на то, что причиной смерти ее сына от эпилептического приступа стало резкое ухудшение состояния здоровья на фоне регулярной загруженности и несоблюдения трудового распорядка. Приводила доводы о том, что для установления причинно-следственной связи между смертью ее сына от заболевания и условиями его труда требуются специальные познания в области медицины - назначение судебно-медицинской экспертизы. Истолковав заключение эксперта от 21 марта 2022 г. о причинах смерти З.Д.В. от асфиксии, как подтверждающее смерть от действий третьих лиц, представитель истца в ходе судебного разбирательства приводила доводы о том, что работодатель не обеспечил З.Д.В., перевозившему в ходе командировки дорогостоящее оборудование, надлежащую охрану труда и отдыха, безопасность рабочей поездки.

Данным доводам истца, ее представителя суд, вопреки требованиям статей 56, 57, 67, 71 (о доказательствах и доказывании, об оценке

доказательств) Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не дал надлежащей правовой оценки с учетом норм права, подлежащих применению к спорным отношениям, вопрос о назначении по делу судебной экспертизы на обсуждение сторон не поставил, эксперта, давшего два различных заключения о причинах смерти З.Д.В., не опрашивал.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции счел выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии вины ответчика в причинении вреда истцу и об отказе в удовлетворении исковых требований З. неправомерными, отменив судебные акты нижестоящих судов с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 14 сентября 2023 г. № 88-15024/2023)

3. Непринятие работодателем мер по организации медицинской помощи работнику, который указывал на ухудшение своего самочувствия, что привело к неблагоприятным последствиям, может явиться основанием для привлечения к ответственности за возмещение вреда здоровью, причиненного в результате несчастного случая на производстве.

Л. обратился в суд с иском к ООО «ИНК», с учетом уточнения требований, о признании ответственным работодателя за неоказание ему первой помощи 25 июля 2022 г., за непроведение расследования несчастного случая, возложении обязанности по расследованию несчастного случая, произошедшего при исполнении трудовых обязанностей 25 июля 2022 г.

В обоснование заявленных требований сослался на то, что работал в ООО «ИНК» мастером по подземному и капитальному ремонту скважин вахтовым методом. 25 июля 2022 г., находясь на рабочем месте при исполнении трудовых обязанностей на объекте заказчика ООО «Л.-П.», около 10:00 почувствовал головокружение и шум в ушах, установил повышение артериального давления. Несмотря на прием рекомендованных медикаментов (каптоприла), артериальное давление продолжало повышаться. О своем плохом самочувствии сообщил начальнику цеха, около 17:00 начальник цеха сообщил ему об отсутствии транспорта для его доставки в лечебное учреждение и предложил выехать с объекта самостоятельно. Он самостоятельно покинул объект на такси. По пути следования пассажир такси и водитель заметили ухудшение состояния его здоровья, вызвали бригаду скорой медицинской помощи, которая доставила его в больницу с диагнозом «инсульт», что привело впоследствии к инвалидности 3 группы. Полагает, что причиной ухудшения состояния его здоровья 25 июля 2022 г. явились переработки и работа в ночное время, а причиной возникновения заболевания (инсульта) и инвалидности явилось длительное неоказание медицинской помощи по вине работодателя, который не организовал его доставку с объекта в лечебное учреждение. Считает, что ухудшение состояния его здоровья 25 июля 2022 г. является несчастным случаем на производстве, подлежащим оформлению.

Решением районного суда Л. в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая возникший спор, суд первой инстанции исходил из отсутствия оснований для признания несчастного случая подлежащим расследованию и учету как связанного с производством, поскольку факт получения истцом заболевания на рабочем месте в рабочее время и вследствие исполнения должностных обязанностей не нашел своего подтверждения; доводы истца о неоказании ему медицинской помощи ничем не подтверждены и опровергаются пояснениями о том, что он самостоятельно измерил себе артериальное давление и принял лекарство; истец, являясь руководителем в бригаде, имел в пользовании карту проезда по дорогам к месторождению, однако скорую помощь не вызвал и не дал такое поручение своим подчиненным работникам. В представленных медицинских документах истца отсутствуют сведения о наличии связи заболевания с производственной деятельностью, в связи с чем пришел к выводу об отказе в удовлетворении иска.

Суд апелляционной инстанции с данным выводом суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к выводу о том, что выводы судов первой и апелляционной инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с нарушением норм процессуального права.

Согласно части 1 статьи 214 Трудового кодекса Российской Федерации обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Согласно статье 220 Трудового кодекса Российской Федерации работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (в том числе на подземных работах), а также на работах, связанных с движением транспорта, проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические (в течение трудовой деятельности, для лиц в возрасте до 21 года - ежегодные) медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы и предупреждения профессиональных заболеваний. В соответствии с нормативными правовыми актами и (или) медицинскими рекомендациями указанные работники проходят внеочередные медицинские осмотры.

Согласно положениям статьи 297 Трудового кодекса Российской Федерации вахтовый метод - особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания (часть 1).

Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы

от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта или реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, а также в целях осуществления иной производственной деятельности (часть 2).

Работники, привлекаемые к работам вахтовым методом, в период нахождения на объекте производства работ проживают в специально создаваемых работодателем вахтовых поселках, представляющих собой комплекс зданий и сооружений, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности указанных работников во время выполнения ими работ и междусменного отдыха, либо в приспособленных для этих целей и оплачиваемых за счет работодателя общежитиях, иных жилых помещениях (часть 3).

В соответствии с пунктом 8.2 Основных положений о вахтовом методе организации работ, утвержденных постановлением Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС и Минздрава СССР от 31 декабря 1987 г. № 794/33-82, администрация предприятий, на балансе которых находятся вахтовые поселки, организует совместно с учреждениями здравоохранения медицинскую помощь коллективам вахтовых поселков, комплектование их медицинским и фармацевтическим персоналом, медикаментами и медоборудованием и обеспечивает эвакуацию заболевших.

Вопросы расследования несчастных случаев на производстве определены положениями статей 227 - 231 Трудового кодекса Российской Федерации.

Правовое регулирование отношений по возмещению вреда, причиненного здоровью, или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания осуществляется по нормам Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний подлежат в числе других физические лица, выполняющие работу на основании трудового договора, заключенного со страхователем (абзац второй пункта 1 статьи 5 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

Несчастливым случаем на производстве в силу абзаца десятого статьи 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» признается событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных данным федеральным законом

случаях как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем, и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» содержатся разъяснения о том, что в силу положений статьи 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ и статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации несчастным случаем на производстве признается событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении обязанностей по трудовому договору или выполнении какой-либо работы по поручению работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем или совершаемых в его интересах как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем (или на личном транспортном средстве в случае его использования в производственных (служебных) целях по распоряжению работодателя (его представителя) либо по соглашению сторон трудового договора), и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

При этом следует учитывать, что событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при следовании к месту служебной командировки и обратно, во время служебных поездок на общественном или служебном транспорте, а также при следовании по распоряжению работодателя (его представителя) к месту выполнения работы (поручения) и обратно, в том числе пешком, также может быть отнесено к несчастным случаям на производстве.

В связи с этим для правильной квалификации события, в результате которого причинен вред жизни или здоровью пострадавшего, необходимо в каждом случае исследовать следующие юридически значимые обстоятельства:

относится ли пострадавший к лицам, участвующим в производственной деятельности работодателя (часть 2 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации);

указано ли происшедшее событие в перечне событий, квалифицируемых в качестве несчастных случаев (часть 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации);

соответствуют ли обстоятельства (время, место и другие),

сопутствующие происшедшему событию, обстоятельствам, указанным в части 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации;

произошел ли несчастный случай на производстве с лицом, подлежащим обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (статья 5 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»);

имели ли место обстоятельства, при наличии которых несчастные случаи могут квалифицироваться как не связанные с производством (исчерпывающий перечень таких обстоятельств содержится в части 6 статьи 229.2 Трудового кодекса Российской Федерации), и иные обстоятельства.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что несчастным случаем на производстве признается событие, в результате которого застрахованный получил не только увечье, но и иное повреждение здоровья (ухудшение состояния здоровья) при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных законом случаях, как на территории работодателя, так и за ее пределами, повлекшее необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

Таким образом, суду с учетом приведенных норм при разрешении спора о признании несчастного случая, произошедшего с работником при исполнении им трудовых обязанностей, как связанного или не связанного с производством, необходимо каждый раз принимать во внимание конкретные обстоятельства, при которых с работником произошел несчастный случай, в том числе находился ли пострадавший в момент несчастного случая при исполнении трудовых обязанностей, был ли он допущен работодателем к исполнению трудовых обязанностей, было ли выявлено у него какое-либо общее заболевание по результатам прохождения предварительного (периодического) медицинского осмотра, подтвержденное заключением медицинской организации, проводившей медицинский осмотр, мог ли работник при имевшемся у него общем заболевании быть допущен к работе в определенных условиях, произошло ли в период исполнения трудовых обязанностей ухудшение здоровья (обострение заболевания, имевшегося ранее) работника по вине работодателя, произошло ли ухудшение состояния здоровья работника в результате несоблюдения работодателем режима рабочего времени, неисполнения обязанности по доставке работника в медицинское учреждение в связи с ухудшением состояния его здоровья, а в случае выполнения работы вахтовым методом, исполнены ли работодателем обязанности по обеспечению доступности получения работником медицинской помощи в вахтовом поселке или ином медицинском учреждении в непосредственной близости от него, с которым у работодателя заключен договор.

Приведенные нормы права, регулирующие вопросы расследования несчастных случаев на производстве, судом первой инстанции при рассмотрении исковых требований истца не применены, обстоятельства, имеющие значение для дела, не установлены.

В обоснование исковых требований Л. ссылался на то, что ухудшение состояния его здоровья (повышение артериального давления) 25 июля 2022 г. произошло в результате несоблюдения работодателем рабочего времени (сверхурочной работы) и работы в ночное время, а возникновение у него инсульта вызвано неисполнением обязанности работодателем по его доставке в лечебное учреждение, поскольку оказание ему медицинской помощи на ранних этапах ухудшения состояния его здоровья, позволило бы избежать возникновения инсульта и впоследствии инвалидности. При этом истец указывал на лиц, которым было известно об указанных им обстоятельствах, к кому он обращался за предоставлением транспорта для доставки его в медицинское учреждение.

Суд первой инстанции не проверил названные обстоятельства, имеющие значение для дела, исходя из заявленных истцом требований, возражений на них ответчика и норм права об охране труда в их взаимосвязи с нормативными положениями о расследовании несчастных случаев на производстве и то, какой стороне надлежит их доказывать, не оценил имеющиеся по делу доказательства, как это предписывает процессуальный закон (статья 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), неправомерно возложив бремя доказывания обстоятельств, связанных с несчастным случаем, произошедшим с Л., на работника, фактически освободив от доказывания ответчика - работодателя ООО «ИНК», в то время как законом предусмотрена обязанность работодателя по соблюдению прав работников в области охраны труда и проведению расследования несчастных случаев на производстве, произошедших с ними при исполнении трудовых обязанностей.

Судом не установлено, имел ли Л. общие заболевания до поступления на работу к ответчику, в каком режиме работал, где располагалось его место работы, где проживал он в период нахождения на вахте, как организовано работодателем медицинское обслуживание работников в период нахождения их на вахте, имело ли место со стороны работодателя нарушение режима рабочего времени, явилось ли это причиной ухудшения состояния здоровья истца 25 июля 2022 г., обращался ли Л. непосредственно к руководителю по вопросу транспортировки его в лечебное учреждение, имел ли возможность получить медицинскую помощь в непосредственной близости от места исполнения своих служебных обязанностей в условиях, организованных работодателем, по каким причинам не был доставлен работодателем в лечебное учреждение, явилось ли позднее обращение истца за медицинской помощью причиной возникновения у него инсульта, является ли ухудшение состояния его здоровья несчастным случаем, связанным с производством, либо случаем, не связанным с производством.

Кроме того, в нарушение требований статей 148, 149, 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судом не предложено истцу уточнить иски, просит ли он признать ухудшение состояния его здоровья 25 июля 2022 г. несчастным случаем, связанным с производством, обязать работодателя провести расследование несчастного случая и составить соответствующий акт.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе истца, допущенные судом первой инстанции нарушения не устранил.

Ввиду изложенного выводы судов первой и апелляционной инстанций признаны судебной коллегией по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции неправомерными и нарушающими нормы материального и процессуального права, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 3 декабря 2024 г. №88-21416/2024)

4. Случай причинения вреда здоровью в период следования работника с работы на транспорте, используемом работодателем для производственных целей - перевозки работников, может быть признан несчастным случаем, связанным с производством.

К. обратился в суд с иском к АО «С» о признании несчастным случаем на производстве события, произошедшего с ним 8 апреля 2020 г., в результате которого ему был причинен тяжкий вред здоровью, возложении на ответчика обязанности оформить акт о несчастном случае на производстве формы Н-1, копии материалов расследования направить в филиал № 1 Фонда социального страхования Российской Федерации по округу для предоставления ему обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, признании недействительным акта расследования тяжелого несчастного случая от 4 июня 2020 г., взыскании с ответчика компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований указал на то, что состоит в трудовых отношениях с ответчиком с 1979 г. В период с 2 по 8 апреля 2020 г. находился на вахте на месторождении, по окончании которой он должен был выехать на вахтовом автобусе в 21:00 8 апреля 2020 г. На протяжении последних двух дней вахты он чувствовал себя очень плохо, у него было повышенное артериальное давление, возможности получить медицинскую помощь на вахте он не имел. 8 апреля 2020 г., выполнив рабочее задание, он принял решение о необходимости обращения за помощью к врачу, так как самочувствие резко ухудшилось, в связи с чем в 17:30 с территории выехал на автомобиле подрядной организации, предупредив об этом других работников бригады. Однако по дороге в больницу автомобиль попал в дорожно-транспортное происшествие, в результате которого он и водитель подрядной организации получили травмы и были доставлены бригадой скорой помощи в больницу. В результате указанного происшествия ему был

причинен тяжкий вред здоровью. Ответчиком проведено расследование несчастного случая, по результатам которого составлен акт формы 4, согласно которому указанный несчастный случай признан не связанным с производством.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Разрешая возникший спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что несчастный случай произошел с истцом не при исполнении им своих трудовых обязанностей либо работ по заданию работодателя или в интересах работодателя, в связи с чем не может квалифицироваться как несчастный случай на производстве; совокупность собранных по делу доказательств не позволяет определить причинно-следственную связь полученного повреждения здоровья истца с условиями его производственной деятельности; травмы, полученные истцом в результате дорожно-транспортного происшествия, не являются следствием выполнения им должностных обязанностей оператора по добыче нефти и газа, а получены им в результате самовольного убывтия с рабочего места (месторождения) на стороннем транспортном средстве; никаких поручений в интересах работодателя истцом не выполнялось; доказательств, свидетельствующих о том, что несчастный случай связан с производством, не представлено; наличие трудовых отношений между работниками и работодателем само по себе не может иметь определяющего значения при квалификации несчастного случая и определять его связь с производством.

Отказывая в удовлетворении требований в части признания акта расследования недействительным в связи с нарушением ответчиком порядка формирования комиссии по расследованию несчастных случаев, нарушением сроков расследования несчастных случаев, проведением расследования без учета мнения истца и Государственной инспекции труда, суд первой инстанции исходил из того, что личное участие в расследовании несчастного случая является правом потерпевшего; доказательств наличия у истца, его представителя препятствий в личном участии при проведении расследования несчастного случая, обращения с требованием об участии в расследовании несчастного случая на производстве и отказа в удовлетворении данного требования не имеется. Продление срока расследования суд расценил обоснованным, что не нарушает положений статьи 229.1 Трудового кодекса Российской Федерации; порядок формирования работы комиссии и сроки проведения расследования ответчиком не нарушены.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

С выводами судов судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась, указав следующее.

По данному делу для проверки законности акта от 4 июня 2020 г. о расследовании несчастного случая, происшедшего с К., с учетом исковых

требований, возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права суду необходимо было установить следующие юридически значимые обстоятельства: произошел ли несчастный случай в рабочее время в период следования К. с работы на транспорте, используемом работодателем для производственных целей – перевозки работников; имели ли место в случае с К. обстоятельства, при наличии которых несчастные случаи могут квалифицироваться как не связанные с производством, исчерпывающий перечень которых содержится в части 6 статьи 229.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Названные обстоятельства, имеющие значение для дела, исходя из подлежащих применению норм права, в качестве юридически значимых в полном объеме определены не были, предметом исследования и оценки суда первой инстанции в нарушение требований статей 56, 57, 67, 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не являлись.

Вместо установления данных юридически значимых обстоятельств суд выяснял вопрос о том, давали ли представители работодателя истцу поручение (указание) ехать в медицинское учреждение на автомобиле, о соблюдении К. локальных актов работодателя при принятии решения о выезде с места работы для получения медицинской помощи по месту жительства вместо обращения в здравпункт АО «С», которые не являются определяющими для квалификации несчастного случая как связанного или не связанного с производством.

Вопреки выводам суда, по смыслу части 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации наличие распоряжения работодателя об использовании транспорта имеет существенное значение только в случаях, когда несчастный случай с работником произошел при использовании им личного транспорта.

Указывая на отсутствие вины АО «С» в причинении вреда работнику К. со ссылкой на то, что травмы им получены по пути следования с места выполнения работы на автомобиле, которым истец воспользовался по своему желанию, в отсутствие распоряжения работодателя о предоставлении этого автомобиля в производственных целях, и что именно незаконные действия водителя указанного автомобиля, нарушившего правила дорожного движения, находились в причинно-следственной связи с произошедшим дорожно-транспортным происшествием, повлекшим тяжкие последствия для здоровья К., суд не принял во внимание нормы трудового законодательства, устанавливающие обязанность работодателя по обеспечению работнику безопасных условий и охраны труда, и не применил эти нормы.

Вывод суда о том, что автомобиль, перемещаясь на котором истец получил травмы, не предоставлялся работодателем, сделан без оценки доводов К. и имеющихся в деле доказательств.

Так, К. указывал, что автомобиль был закреплен за бригадой № 2 для перевозки работников. Аналогичные пояснения дал в ходе расследования несчастного случая исполняющий обязанности мастера Ф.

В материалы дела ответчиком представлен договор на оказание транспортных услуг с ООО «А», предметом которого является оказание транспортных услуг (технологическим транспортом – грузоподъемной техникой, технологическим транспортом – грузоперевозящей техникой, вахтовым транспортом, технологическим транспортом (сварочной техникой), технологическим транспортом – тракторно-землеройной техникой) (пункт 2.1).

В пункте 4.7 акта о расследовании несчастного случая также указано, что автомобиль закреплен за бригадой № 2, использовался для перевозки работников от бригадного участка к месту выполнения работ и обратно.

Вывод суда о том, что работодатель обеспечил К. и другим работникам возможность получить медицинскую помощь на месте выполнения работ в здравпунктах, расположенных на территории ряда месторождений, также сделан без надлежащей оценки доводов истца о том, что он не имел реальной возможности воспользоваться такой помощью, учитывая, что ближайший здравпункт был расположен в 60 км от его места работы, на другом месторождении, в связи с повышением давления в течение нескольких дней, плохим самочувствием и отсутствием гипотензивных средств переживал за свое здоровье, опасался возникновения инсульта, в связи с чем принял решение не дожидаться вахтового автобуса, который должен был прибыть в 21:00, поехал в город на другом транспортном средстве, используемом работодателем в производственных целях для перевозки персонала. Из представленного ответчиком локального акта - Положения «Об организации на объектах экстренной медицинской помощи» не усматривается, что на месторождении организован здравпункт.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции решение городского суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда автономного округа отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела решением городского суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда автономного округа, произошедшее 8 апреля 2020 г. с К. событие признано несчастным случаем на производстве. На АО «С» возложена обязанность оформить акт о несчастном случае на производстве в отношении К. по форме Н-1 и направить в Фонд социального страхования Российской Федерации по автономному округу копии материалов расследования для предоставления К. обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Признан недействительным акт

расследования тяжелого несчастного случая от 4 июня 2020 г. Взыскана с АО «С» в пользу К. компенсация морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами судов, изложенными при повторном рассмотрении данного дела.

(определения от 23 ноября 2021 г. № 88-17095/2021
и от 12 января 2023 г. № 88-707/2023)

5. Смерть работника в результате общего заболевания (например, болезни сердца) может быть признана судом несчастным случаем, связанным с производством, в связи с чем его родные вправе рассчитывать на получение компенсации морального вреда.

М., действующая в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего П.А.И., С.Д.А., а также третьи лица с самостоятельными требованиями П., П.Н.И. обратились в суд с иском к ООО «А» о признании незаконным акта о расследовании несчастного случая со смертельным исходом; возложении обязанности квалифицировать несчастный случай как связанный с производством, в том числе составить акт о несчастном случае на производстве формы Н-1, взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований указали на то, что П.И.Н. работал водителем в ООО «А.» и, выполняя работу в очередном рейсе, умер в салоне автомобиля ответчика от сердечного приступа. Согласно акту о расследовании несчастного случая со смертельным исходом комиссия пришла к выводу, что смерть наступила в результате общего заболевания. С указанным выводом истцы не согласились, ссылаясь на допущенные в отношении П.И.Н. со стороны работодателя нарушения режима труда и отдыха водителя. Полагают, что причинами, вызвавшими несчастный случай, являлись грубые нарушения работодателем требований по охране труда: привлечение П.И.Н. к работе за пределами нормальной продолжительности рабочей недели и непредоставление ежегодного оплачиваемого отпуска. В результате допущенных работодателем нарушений трудового законодательства у водителя П.И.Н. возникло значительное переутомление, которое могло стать причиной развития болезни и в конечном счете привести к несчастному случаю.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя судебные постановления нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, руководствуясь Трудовым кодексом Российской Федерации, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 163,

которым утвержден Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, Порядком проведения обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (приложение № 3 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 апреля 2011 г. № 302-н), указала на то, что работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, к которым в том числе относится работа по профессии «водитель автомобиля», проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы, предупреждения профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве. Вредные и (или) опасные производственные факторы и работы, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры, порядок проведения таких осмотров определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. По окончании прохождения работником медицинского осмотра медицинской организацией оформляется заключение с указанием результата предварительного осмотра (обследования). При выявлении у работника по результатам прохождения медицинского осмотра заболевания, относящегося к медицинским противопоказаниям для выполнения поручаемой работы, работодатель не вправе допускать такого работника к исполнению им трудовых обязанностей.

Вместе с тем суды нижестоящих инстанций при рассмотрении исковых требований положения указанных нормативных правовых актов не применили, не установили обстоятельств того, являлось ли противопоказанием к управлению транспортными средствами имеющееся у истца заболевание, сведения о котором содержатся в паспорте здоровья (гипертензивная (гипертоническая) болезнь с преимущественным поражением сердца, ишемическая болезнь), оформленном при приеме П.И.Н. на работу к ответчику.

Установив, что П.И.Н. работал в ООО «А.» и управлял транспортным средством в соответствии с водительским удостоверением на управление транспортным средством категории «С», суды не приняли во внимание также то обстоятельство, что вышеприведенный Перечень работ содержит противопоказания к управлению транспортными средствами «категории С», которыми являются ишемическая болезнь сердца: стенокардия нестабильная, стенокардия напряжения, ФК III, нарушения сердечного ритма высокой градации либо сочетание указанных состояний; гипертоническая болезнь II - III ст., и указано, что при гипертонической болезни 1 ст. допуск осуществляется индивидуально при условии ежегодного освидетельствования. Суды не выяснили, входило ли заболевание П.И.Н. в вышеуказанный Перечень и являлось ли противопоказанием к управлению

транспортным средством по категории «С».

Ссылаясь на положения статьи 329 Трудового кодекса Российской Федерации и действующий в период возникновения спорных правоотношений приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 15, регламентирующие особенности режима рабочего времени и времени отдыха, в том числе водителей автомобилей, судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции указала, что суды не дали правовой оценки доводам истцов о переработках П.И.Н. и отсутствию полноценного отдыха, следовательно, не установили юридически значимые обстоятельства, а именно: работал ли П.И.Н. сверх нормальной продолжительности рабочего времени, какое количество часов фактически им отработано, предоставлялись ли работнику дни отдыха между командировками и какой продолжительности, соблюдался ли график отпусков в отношении работника, период предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска работнику.

С учетом того, что трудовым договором предусмотрена материальная ответственность работника за сохранность вверенного груза, а кабина машины не оборудована спальным местом, П.И.Н. во время командировок вынужден был не покидать своего рабочего места круглосуточно, в связи с чем суды также не установили: были ли созданы для водителя условия для полноценного отдыха во время нахождения в командировке; разработан ли работодателем маршрут поездки, в котором работник для получения полноценного отдыха после дороги имел возможность остановиться на охраняемой стоянке, переночевать в гостиничном комплексе; все ли необходимые условия для отдыха были обеспечены работодателем; в случае подтверждения вышеприведенных факторов, могли ли они привести к обострению заболевания у П.И.Н., в результате которого наступила смерть.

С учетом изложенного решение городского суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 14 декабря 2023 г. № 88-21749/2023)

6. Размер компенсации морального вреда, присужденной к взысканию с работодателя в пользу работника, в связи с причинением вреда здоровью вследствие несчастного случая на производстве, должен быть обоснован в том числе с учетом степени вины работодателя в произошедшем несчастном случае.

К. обратился в суд с иском к АО «ЮГК» о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований указал на то, что был принят на работу в качестве подземного проходчика и во время исполнения трудовых обязанностей получил множественные травмы, в результате чего ему присвоена 2 группа инвалидности, он практически потерял зрение и слух.

Решением районного суда иски удовлетворены частично.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, размер компенсации морального вреда, подлежащий взысканию в пользу К., увеличен.

Судами установлено, что с истцом при выполнении им трудовых обязанностей в качестве подземного проходчика на шахте АО «ЮГК» произошел несчастный случай, о чем работодателем составлен акт о несчастном случае на производстве.

Согласно акту о несчастном случае на производстве главным инженером шахты было выдано письменное наряд-задание, в том числе работнику К., о взятии проб на наличие допустимых концентраций газов, проверке исправности оборудования и инструментов, подготовке забоя к взрывным работам. Для выполнения поставленной задачи истец К. с другим проходчиком спустились в шахту на горизонт 812 метров, произвели отбор проб на наличие предельно допустимых концентраций газов, проверили исправность оборудования и инструментов и начали бурить шпуры. Затем работники взяли взрывчатые материалы и приступили к заряданию забоя, когда при зарядке двух патронов аммонита произошел неконтролируемый взрыв, в результате чего проходчики получили травмы.

Из акта следует, что несчастный случай произошел вследствие аварии на опасном производственном объекте в результате неконтролируемого взрыва заряда и причинами несчастного случая явились применение электродетонаторов со значениями электрического сопротивления, не соответствующими технической документации, допуск к работам повышенной опасности проходчиков без прохождения соответствующего обучения по профессии «взрывник» с выдачей Единой книжки взрывника на право производства взрывных работ в подземных выработках и на поверхности рудников (объектов горно-рудной и нерудной промышленности), не опасных по газу или пыли, не прошедших соответствующую стажировку, недостатки организации и осуществления производственного контроля в части допуска к работе по заряданию забоя проходчиками без наряда на выполнение работ, без прохождения соответствующего обучения, необеспечение хранения взрывчатых материалов в сейфах временного хранения, что не исключало доступ к взрывчатым материалам лиц, не имеющих право обращения с взрывчатыми материалами, ненадлежащее осуществление входного контроля в части приемки электродетонаторов, отсутствие контроля со стороны лиц технического надзора при зарядке забоя, нарушение порядка выдачи наряд-путевок лицам, не отчитавшимся за расход взрывчатых материалов по ранее полученным наряд-путевкам.

По результатам проведения медико-социальной экспертизы степень утраты профессиональной трудоспособности К. составила 70%, установлена 2 группа инвалидности в связи с трудовым увечьем (инвалид по зрению).

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции, руководствуясь положениями Трудового кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того, что работодатель не обеспечил безопасные условия труда в соответствии с положениями действующего трудового законодательства, в связи с чем произошел несчастный случай на производстве, в результате которого К. был причинен вред здоровью, следовательно, ответчик обязан возместить истцу моральный вред.

При определении размера подлежащей взысканию в пользу К. компенсации морального вреда, суд первой инстанции учел нарушения охраны труда со стороны работодателя, характер страданий истца, испытываемую им физическую боль в связи с полученными травмами, возраст истца, степень утраты им профессиональной трудоспособности, наличие установленной инвалидности, невозможность ведения самостоятельного быта и нуждаемость в постоянной помощи, прохождение медицинских процедур и оперативных вмешательств, отсутствие его вины в причинении вреда, а также требования разумности и справедливости.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о привлечении к гражданско-правовой ответственности АО «ЮГК», но не согласился с размером компенсации морального вреда, взысканного в пользу К., увеличил его с учетом фактически установленных обстоятельств и последствий причинения вреда здоровью.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции об определении размера компенсации морального вреда, указав на неполно выясненные судом обстоятельства, нарушение норм материального права, регулирующего взыскание компенсации морального вреда, причиненного работнику в результате несчастного случая на производстве, и нарушение норм процессуального права.

Суд кассационной инстанции указал на то, что суд апелляционной инстанции, сославшись на выводы акта о несчастном случае на производстве, вместе с тем оценку им при определении размера компенсации морального вреда, подлежащего взысканию в пользу истца, не дал и не учел степень вины работодателя в произошедшем несчастном случае с К., который повлек для мужчины в молодом трудоспособном возрасте причинение тяжкого вреда здоровью и установление инвалидности 2 группы. Кроме того, судом апелляционной инстанции не дана оценка доводам истца о том, что после взрыва в шахте он вместе с другим проходчиком, держась друг за друга, несмотря на полученные повреждения, испытываемые страдания и страх, на

ощупь пытались выбраться из шахты самостоятельно, без помощи со стороны работодателя.

Суд кассационной инстанции указал суду апелляционной инстанции, что при разрешении дела следовало также выяснить, мог ли К., работая в качестве подземного проходчика, быть допущен к выполнению работ на производстве взрывных работ в подземных выработках и на поверхности рудников.

Ввиду изложенного судебное постановление суда апелляционной инстанции было признано незаконным, что повлекло его отмену с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

(определение от 24 декабря 2024 г. № 88-23223/2024).

7. При обращении работника за взысканием компенсации морального вреда в связи с установлением профессионального заболевания и утраты профессиональной трудоспособности при трудоустройстве у нескольких работодателей, определение размера взыскиваемой компенсации необходимо производить, в том числе, с учетом стажа работы истца у ответчика в процентном соотношении времени работы к общему стажу работы во вредных условиях труда у других работодателей.

А. обратился с иском к АО «А» о взыскании компенсации морального вреда вследствие профессионального заболевания в размере 1 000 000 руб.

В обоснование требований указал на то, что работал в условиях воздействия вредных веществ и неблагоприятных производственных факторов 28 лет 10 месяцев, из них на подземных работах в условиях Крайнего Севера на шахтах в профессиях горнорабочего очистного забоя 5 разряда и подземного проходчика 5 разряда вахтовым методом с 2009 г. по 2022 г. (13 лет). В период работы он проходил наблюдение и лечение в клиниках. В 2017 г. на основании подозрения на профессиональное заболевание Управлением Роспотребнадзора составлена санитарно-гигиеническая характеристика условий труда по выяснению обстоятельств и причин возникновения у него профессионального заболевания. В 2019 г. ему впервые установлены профессиональные заболевания. В январе 2024 г. ему определено 30% утраты профессиональной трудоспособности, разработана программа реабилитации пострадавшего на производстве вследствие профессиональных заболеваний.

Решением городского суда исковые требования удовлетворены частично: с АО «А» в пользу А. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая возникший спор, суд первой инстанции исходил из того, что стаж работы А. в условиях воздействия неблагоприятных производственных факторов составляет 28 лет 10 месяцев, из которых 3 года 10 месяцев он работал в АО «А»; профессиональные заболевания истцу установлены 24 ноября 2023 г. в период работы у ответчика; заболевания возникли

вследствие длительного воздействия на организм производственных факторов - шума, вибрации и комплекса неблагоприятных факторов на протяжении всего профессионального маршрута; в результате полученных заболеваний истец испытывает физические и нравственные страдания; в связи с наличием причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью истца и неблагоприятными факторами на рабочем месте – общей вибрации и производственного шума, необеспечением работодателем здоровых и безопасных условий труда, пришел к выводу о наличии оснований для взыскания с ответчика компенсации морального вреда, определив его размер в сумме 350 000 руб.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о наличии правовых оснований для возложения на ответчика обязанности по компенсации морального вреда, поскольку имеющиеся у истца профессиональные заболевания возникли, в том числе, в период работы у ответчика АО «А», где он, работая в качестве подземного проходчика на протяжении 03 лет 10 месяцев, подвергался воздействию вредных производственных факторов: локальной вибрации, тяжести трудового процесса.

Между тем суд апелляционной инстанции не согласился с размером взысканной компенсации морального вреда, поскольку причиной профессиональных заболеваний А. явилось длительное воздействие на организм работника вредных производственных факторов в результате работы в подземных условиях в течение 28 лет 10 месяцев, то есть не только в АО «А.», но и в других организациях.

Изменяя решение суда и взыскивая с АО «А» в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 130 000 руб., суд апелляционной инстанции исходил из того, что А. в период с 1993 г. по 2009 г. работал электрогазосварщиком, подземным путевым рабочим, подземным горнорабочим в шахте «Ч», ОАО «С», в периоды с 18 августа 2009 г. по 2013 г., с 2013 г. по 2019 г. в качестве подземного горнорабочего в АО «К.», где в процессе трудовой деятельности также подвергался воздействию вредных факторов, превышающих допустимые уровни, в связи с чем размер компенсации морального вреда, подлежащей взысканию с ответчика, следует определять с учетом стажа работы А. в процентном соотношении времени работы к общему стажу работы во вредных условиях труда, что составляет 13% к общему стажу указанной работы (45 месяцев (стаж работы у ответчика)/346 месяцев (общий стаж работы во вредных условиях) x 100%).

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами суда апелляционной инстанции.

(определение от 6 марта 2025 г. № 88-3608/2025)

8. Наличие или отсутствие у работника профессионального заболевания, полученного им в период работы во вредных или тяжелых

условиях труда, может быть установлено только уполномоченным медицинским учреждением в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Диагноз в виде профессионального заболевания может быть установлен или отменен только центром профпатологии.

Б. обратился в суд с иском к ООО «ГДУ» о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Б. сослался на то, что при трудоустройстве к ответчику противопоказаний к работе и заболеваний не имел, длительное время работал машинистом экскаватора в ООО «ГДУ». Летом 2014 г. у него были выявлены признаки профессионального заболевания - нейросенсорной тугоухости смешанной этиологии (шумовой, сосудистой) с легкой степенью снижения слуха, стадии «А», в связи с чем комиссией врачей с участием представителя работодателя составлен акт о случае профессионального заболевания. Заболевание является неизлечимым и прогрессирует. Ему установлена утрата трудоспособности 30% бессрочно. Актом о случае профессионального заболевания установлено, что причиной профессионального заболевания послужила длительная работа в условиях длительного воздействия на организм повышенного уровня шума, инфразвука. Полагает, что по вине ответчика он получил профессиональное заболевание, которое доставляет ему физические и нравственные страдания.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, с ООО «ГДУ» в пользу Б. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 150, 151, 1064, 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 21, 22, 210, 214, 237 Трудового кодекса Российской Федерации, исходил из того, что имеются основания для компенсации морального вреда Б. в связи с превышением уровня шума на его рабочем месте с 2010 г., необеспечением работнику безопасных условий труда. При этом суд первой инстанции пришел к выводу, что имеющиеся у истца заболевания не являются профессиональными.

Суд не принял во внимание акт о случае профессионального заболевания № 2 от 10 июля 2021 г., утвержденный Главным государственным санитарным врачом автономного округа, указав, что данный акт был оценен экспертами при составлении заключения медицинской экспертизы.

Проверяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

В соответствии с абзацем одиннадцатым статьи 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» профессиональное заболевание - хроническое или острое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора (факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности и (или) его смерть.

Согласно части 4 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» экспертиза связи заболевания с профессией проводится в целях установления причинно-следственной связи заболевания с профессиональной деятельностью.

Экспертиза связи заболевания с профессией проводится специализированной медицинской организацией или специализированным структурным подразделением медицинской организации в области профессиональной патологии при выявлении профессионального заболевания. По результатам экспертизы связи заболевания с профессией выносится медицинское заключение о наличии или об отсутствии профессионального заболевания (часть 5 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок проведения экспертизы связи заболевания с профессией и форма медицинского заключения о наличии или об отсутствии профессионального заболевания устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 6 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок установления наличия профессионального заболевания установлен Положением о расследовании и учете профессиональных заболеваний, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2000 г. № 967 (далее - Положение о расследовании и учете профессиональных заболеваний).

В целях разъяснения применения Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28 мая 2001 г. № 176 утверждена Инструкция о порядке применения указанного Положения.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» разъяснено, что под профессиональным заболеванием понимается острое или хроническое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора

(факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности.

При рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного здоровью в результате возникновения у застрахованного профессионального заболевания, необходимо иметь в виду, что в силу указанного Положения заключительный диагноз - профессиональное заболевание имеют право устанавливать впервые только специализированные лечебно-профилактические учреждения, клиники или отделы профессиональных заболеваний медицинских научных учреждений или их подразделения (далее - центр профессиональной патологии).

Установленный диагноз может быть отменен или изменен только центром профессиональной патологии в порядке, предусмотренном пунктом 16 Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации следует, что профессиональным заболеванием признается заболевание застрахованного лица, явившееся результатом воздействия на него вредного производственного фактора, повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности. Для установления причинной связи между фактом повреждения здоровья работника и воздействием на него вредного производственного фактора уполномоченным медицинским учреждением проводится экспертиза, по результатам которой выносится медицинское заключение о наличии или отсутствии профессионального заболевания. Установленный диагноз - острое или хроническое профессиональное заболевание (отравление) может быть изменен или отменен центром профессиональной патологии на основании результатов дополнительно проведенных исследований и экспертизы. Рассмотрение особо сложных случаев профессиональных заболеваний возлагается на Центр профессиональной патологии Министерства здравоохранения Российской Федерации. Разногласия по вопросам установления диагноза профессионального заболевания и его расследования рассматриваются органами и учреждениями государственной санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации, Центром профессиональной патологии Министерства здравоохранения Российской Федерации, федеральной инспекцией труда, страховщиком или судом.

Разрешая спор и приходя к выводу об отсутствии у Б. профессионального заболевания, положив в основу такого вывода заключение судебной медицинской экспертизы от 02 марта 2022 г., суды первой и апелляционной инстанций вышеприведенное правовое регулирование при рассмотрении спора не учли.

Вместе с тем из материалов дела следует, что истцу диагноз - хроническое профессиональное заболевание был установлен в порядке, предусмотренном Положением о расследовании и учете профессиональных заболеваний.

Так, на основании извещения об установлении предварительного диагноза острого или хронического профессионального заболевания (отравления) № 15 от 17 июля 2013 г. составлена санитарно-гигиеническая характеристика условий труда работника при подозрении у него профессионального заболевания (отравления) № 1 от 20 января 2014 г., утвержденная Главным государственным санитарным врачом округа 21 января 2014 г.

Согласно медицинскому заключению, выданному 5 мая 2014 г. Медицинским научным центром Роспотребнадзора, установленное у Б. заболевание является профессиональным.

10 июля 2014 г. составлен акт № 2 о случае профессионального заболевания. Согласно пункту 20 указанного акта заболевание Б. является профессиональным. Непосредственной причиной заболевания послужило длительное воздействие на организм человека уровня шума и инфразвука.

На основании акта о случае профессионального заболевания № 2 от 10 июля 2014 года Б. установлено 30% степени утраты профессиональной трудоспособности бессрочно, что подтверждается справкой от 12 мая 2017 г.

Сведений об отмене в установленном порядке Б. диагноза – хроническое профессиональное заболевание не имеется. Установленный истцу диагноз - хроническое профессиональное заболевание не оспорен, акт о случае профессионального заболевания не отменен, незаконным не признан.

Суд апелляционной инстанции недостатки, допущенные судом первой инстанции, не устранил.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение областного суда с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 26 января 2023 г. № 88-1363/2023)

Выводы

В целом по результатам проведенного обобщения необходимо отметить, что судами гражданские дела указанной категории разрешаются в основном правильно и в предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации сроки.

Трудовое законодательство закрепляет обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда в силу безусловного права каждого работника на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда, а также гарантии и компенсации, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

В связи с чем судам при рассмотрении указанной категории дел следует внимательно подходить к выяснению обстоятельств, имеющих юридическое значение для дела, тщательной оценке представленных

сторонами доказательств, а также правильному применению норм материального и процессуального права к спорным правоотношениям.

Судебная коллегия по гражданским делам

Седьмого кассационного суда общей юрисдикции